18+

ОКНО

МАРК МИЮРИ

Марк Миюри
Окно

https://litres.ru/74761652
ISBN 9785007155397

Аннотация

Мальчик отправил письмо самому себе на двадцать лет вперёд. Ответила незнакомая девушка. Её ответ дал ему знание о будущем, и двадцать лет он не мог изменить в нём ни одной запятой.

Содержание

Пролог. Три секунды 7
Часть первая. Капсула 12
Брейтон. 15 августа 2026 года 15
Глава 2. Скороварка 24
Брейтон. Март — август 2006 года 24
Глава 3. 7305 35
Брейтон. 15—16 августа 2026 года 35
Глава 4. Л. 45
Брейтон. 16—17 августа 2026 года 45
Глава 5. Гвоздь 55
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Окно

Марк Миюри

Иллюстратор Алихан Ещанов

© Марк Миюри, 2026
© Алихан Ещанов, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-5539-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его.

— Притчи 16:9

Пролог. Три секунды

Брейтон, штат Огден. 14 августа 2006 года, 21:46

Над гаражом на Линден-стрит висела та тишина, какая бывает только в конце августа: цикады уже устали, а осень ещё не пришла. За три дома лаяла собака и тут же замолкала, будто ей самой надоедало собственное беспокойство.

Альт Мицураги сидел на перевёрнутом ведре из-под краски и смотрел на часы.

Часы были отцовские — тяжёлые, с потёртым стальным браслетом, который всё ещё болтался на тонком запястье, хотя Альт проколол в нём шилом две лишние дырки. Секундная стрелка шла рывками. Отец говорил, что настоящие часы должны тикать, а не шуршать, и что кварц — для тех, кто торопится. Он любил говорить вещи, которые звучали как правила жизни, а потом смеялся над собой.

Отец ушёл из дома, когда Альт было четыре, и умер, когда ему было одиннадцать. Между этим было, может быть, двадцать трезвых суббот в гараже. Альт помнил каждую. И теперь, в четырнадцать, всё ещё не решил, какие из отцовских правил были шуткой.

Про кварц отец ошибся. Кварц оказался вовсе не для тех, кто торопится.

На верстаке, расчищенном от банок с шурупами и мотков провода, стояла «установка» — так Альт называл её про

себя, а вслух никак, потому что вслух говорить было не с кем. Медные шины, два трансформатора от старых микроволновок, конденсаторная батарея, которую он полгода собирал из выброшенных телевизоров, и керамическая чашка посередине. В чашке, в гнезде из тонкой проволоки, лежал кристалл.

Размером с ноготь большого пальца. Мутно-прозрачный, с янтарным оттенком у основания. Если смотреть сбоку, под определённым углом, внутри был виден крошечный завиток. Будто кто-то начал писать букву и передумал.

Прямо под установкой в бетонный пол был вбит латунный гвоздь. Альт вбил его сам, три недели назад, после того как в восьмой раз пересчитал всё, что можно было пересчитать. Шляпка была начищена до блеска. На ней стояла капсула.

Когда-то это был корпус топливного фильтра от отцовского пикапа «Шеридан»: латунный цилиндр длиной с ладонь, с резьбовой крышкой. Альт вычистил его растворителем, отполировал и выцарапал на боку гвоздём неровные буквы: «ВСКРЫТЬ. ЭТО ВАЖНО». Потом подумал и мелко добавил снизу: «пожалуйста».

Внутри лежали синяя флешка на два гигабайта и сложенный вчетверо листок.

21:46:30.

Альт встал. Ведро опрокинулось с глухим пластиковым стуком, и он вздрогнул, как от выстрела. Посмотрел на дверь в дом. Мама была на ночной смене в больнице Риверсайд и

вернётся к семи утра. Он знал это, но всё равно посмотрел.

Он мог остановиться. Это было бы разумно. Кристалл был единственным, второго не было и, судя по пяти неудачным попыткам этого лета, не будет. Можно было спрятать его, подождать, пока вырастешь, пока поймёшь, что сделал. Пока будет с кем поговорить.

Но «подождать, пока вырастешь» — это и было то, что он собирался сделать, только быстрее.

21:47.

Он нажал на рубильник.

Ничего не загудело. Это он потом вспоминал первым: ни гула, ни искр, ни запаха горелой изоляции, к которому он привык за этот год. Было ощущение — не звук, а именно ощущение, — что гараж на долю секунды стал чуть больше внутри, чем снаружи. Как будто воздух сделал вдох.

Кристалл вспыхнул — не светом, а прозрачностью. На мгновение стал совершенно чистым, как вода в горном ручье, и завиток внутри исчез.

Капсула исчезла.

Не растворилась, не замерцала, как в кино. Только что стояла на гвозде — и нет. Шляпка блестела под лампой, пустая.

Альт не дышал.

Раз.

Он подумал: я сделал это. И сразу следом, холодно: или я только что уничтожил единственный кристалл и отцовский

корпус от фильтра, и где-то теперь лежит флешка, которую никто никогда не найдёт.

Два.

Он подумал об отце — не о чём-то определённом, о нём самом.

Три.

Капсула стояла на гвозде.

Стояла не совсем так, как раньше: чуть наклонившись, будто её ставили второпях. На латунном боку темнели отпечатки пальцев, которых там не было. Крышка была закручена не до конца. Наклонившись, Альт почувствовал, что от неё пахнет чем-то чужим, тонким и цветочным, совсем не гаражным, — духами.

Кристалл в чашке был серым, как пепел, и рассыпался, когда Альт к нему прикоснулся.

Он сел прямо на бетон, рядом с гвоздём, и долго смотрел на капсулу, не решаясь взять её в руки. За три дома снова залаяла собака.

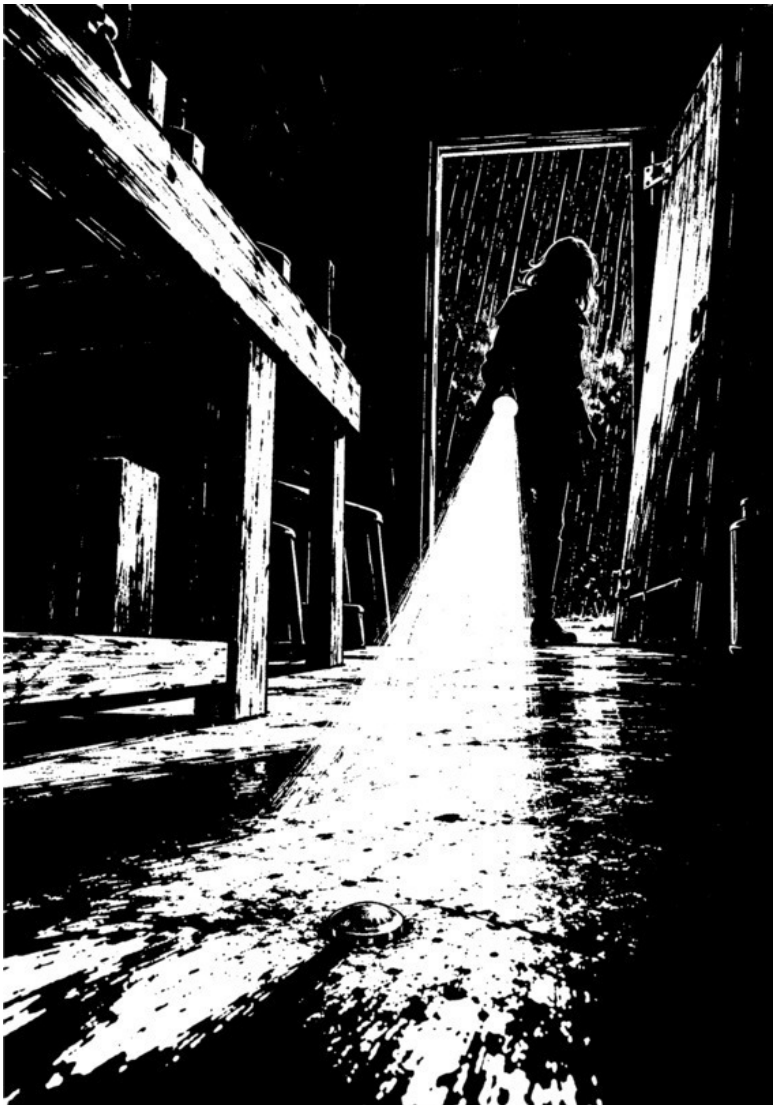
Если бы кто-нибудь заглянул в этот момент в гараж Мицураги, он увидел бы худого подростка в растянутой футболке, который сидит на полу и плачет, сам не понимая, от чего: от страха, от счастья или оттого, что знает наверняка — это было в первый и в последний раз.

И ошибался он только в одном. Однако плакал он не от этого.

А потому, что где-то очень глубоко внутри себя, он уже

понял: машина времени — не дверь. Это окно. И через него видно только то, что всё равно случится. Или, уже случилось, а окно на самом деле в поезде. В поезде, который мчит по давно проложенным рельсам в будущее.

Часть первая. Капсула

Глава 1. Образец двенадцать

Брейтон. 15 августа 2026 года

В лаборатории на третьем этаже корпуса Маккормик кондиционер работал так, будто его настраивал человек, ни разу не бывавший в Огдене в августе: пальцы мёрзли, а за окном стояли тридцать четыре градуса и влажность, от которой асфальт на парковке казался мокрым.

Лана Тельман сидела перед дифрактометром в отцовском свитере и смотрела, как на экране проступает картинка. Решётка. Аккуратные пятна, расставленные с той спокойной уверенностью, на которую способна только природа и, может быть, хороший бухгалтер. Кристалл висмута, выращенный ею неделю назад, оказался таким же скучным, как предыдущие одиннадцать.

— Опять идеальный? — спросила Прия, не отрываясь от своего монитора.

— Опять идеальный.

— Соболезную.

Лана засмеялась. Это была их старая шутка: в физике твёрдого тела идеальный кристалл интересен примерно так же, как идеальный человек. Всё самое любопытное начинается с дефектов. С примеси, попавшей не туда. С атома, который отказался стоять в строю. Её научный руководитель, профессор Мио, любил повторять, что вся современная электроника держится на ошибках, которые научились

совершать нарочно.

Прия Раманатан пришла в аспирантуру на год раньше неё, и последние полгода её главным научным результатом было то, что она научилась спорить с нейросетью, которая писала за кафедру отчёты для грантового комитета. Нейросеть писала быстрее, лучше и без опечаток.

— Ты слышала про Майкла? — спросила Прия. — Окончил у нас магистратуру. Его сократили с завода «Ямасато» в Мэрисфилде. Вместе со всем отделом контроля качества. Там теперь камеры и одна модель, которая смотрит на сварные швы лучше, чем двадцать человек.

Лана промолчала. Она слышала уже про многих таких Майклов. Половина её выпуска за два года либо ушла в аспирантуру, потому что больше было некуда, либо работала не по специальности. Когда Лана поступала в аспирантуру, мама сказала: «Ну хоть что-то, что машины пока не умеют, — сидеть за маленькую стипендию и всё равно радоваться». Это была шутка. Этой ночью Лана боролась с мыслью, что мама права больше, чем хотелось бы.

Она не жаловалась. Ей нравился холодный свет лаборатории, нравилось, что мир на уровне атомов оставался упрямо, восхитительно непредсказуемым, сколько бы его ни моделировали. Ей нравилось думать, что где-то в этой непредсказуемости есть место, куда не дотягивается ни одна нейросеть, — место, где кристалл решает сам.

Отец назвал бы это иначе. Он сказал бы: место, где решает

Бог.

Она записала в журнал «образец 12 — без особенностей» и пошла домой.

* * *

Ломбард «Тельман. Скупка и залог» стоял на Третьей улице, между прачечной самообслуживания и азиатской закусочной, которая трижды меняла название, но ни разу не меняла меню. Вывеску Лана помнила с детства: красные буквы на белом фоне, буква «л» в «Тельман» горела слабее остальных, сколько бы отец ни менял в ней лампы и проводку. Теперь же лампы были светодиодные, и «л» перестала выделяться, и от этого Лане иногда становилось грустно.

Дом был в двух кварталах. Когда она вошла, на кухне пахло луком и розмарином, а мама стояла у плиты в рабочем жилете.

— Руки мыть, — сказала мама, не оборачиваясь.

— Мне двадцать семь лет.

— Тем более.

Элеанору Тельман соседи называли «крепкой» и не уточняли, что имеют в виду. Невысокая, с коротко стриженными седеющими волосами, которые она отказывалась красить, и с руками, на которых всегда был какой-нибудь пластырь — то от гитарной струны, то от крышки музыкальной шкатулки, которую кто-то принёс в залог. Пятнадцать лет назад на похоронах отца она стояла ровно, не плакала, а наутро в восемь открыла ломбард, потому что «людям нужны деньги, а

не моё горе». Лана очень долго не могла принять эту мысль. Но потом она повзрослела.

— Тайлер опять приходил, — сказала мама, накладывая ей рагу. — Принёс полную сумку. Перфоратор, два шуруповёрта, ящик ключей, старый допотопный ноутбук и какую-то латунную штуку.

— Опять где-то нашёл?

— Говорит, дядя умер, разбирает гараж.

— Какой это дядя по счёту?

— Третий за год. — Мама пожала плечами. — Я всё записала, паспорт сфотографировала. Придёт полиция — пусть смотрит. Я ему не мать, чтобы спрашивать, откуда у него перфоратор.

Тайлер Брэдшоу ходил в ломбард с тех пор, как Лане было шестнадцать. Сначала приносил свои вещи, потом стал приносить чужие. Мама всё знала и всё записывала, и раз в несколько месяцев к ней заходил детектив Гарза, выпивал кофе, листал журнал и уходил, иногда забрав пару вещей. Это называлось «сотрудничество», и мама им гордилась.

— А ноутбук зачем взяла?

— Студенты берут на запчасти. Двадцать долларов дала. Я его, как обычно, почистила, систему переставила. Там ничего не было, только какие-то старые программы. Ему лет пятнадцать.

Мама помолчала. Лана заметила, что она смотрит в тарелку не так, как обычно, — будто подбирает слова.

— Что?

— Латунная штука, — сказала мама. — Я её за пятнадцать купила, думала — на металл. Цилиндр, похож на деталь от машины. На нём выцарапано: «Вскрыть. Это важно». И снизу мелко — «пожалуйста».

— И ты вскрыла.

— Конечно, вскрыла. Я что, святая? — Мама слабо улыбнулась. — Там флешка. Старая, синяя, с колпачком. И листок, сложенный. Почерк подростковый — знаешь, когда буквы ещё не решили, какими им быть. Инструкция: как положить эту штуку обратно на какой-то гвоздь и что крутить.

— А на флешке?

Мама встала, вышла в прихожую и вернулась со старой кожаной сумкой, с которой ходила на работу ещё при отце. Достала капсулу и поставила на стол, между салатницей и солонкой.

Латунь, потемневшая от времени, с зелёными пятнами окиси в резьбе. Но кто-то когда-то очень старательно её отполировал, и полировка ещё держалась местами, как воспоминание. «ВСКРЫТЬ. ЭТО ВАЖНО». Ниже, совсем мелко, — «пожалуйста».

Это «пожалуйста» почему-то было хуже всего. Будто кто-то стоял за плечом и очень вежливо просил.

— На флешке письмо, — сказала мама. — Я вставила в магазинный компьютер, он старый, к нему такие ещё подходят. Там ещё какие-то схемы, но я прочитала только письмо.

Лана, я тридцать лет в этом деле. Мне приносили обручальные кольца, ещё тёплые. Мне приносили медаль за войну в джунглях. Мне принесли урну с прахом собственной матери — человек хотел её заложить. Я думала, меня ничем не удивить.

— Мам.

— Этот мальчик пишет, что отправил это из две тысячи шестого года.

Стало слышно, как гудит холодильник.

— Капсула времени? — сказала Лана. — Как в школах закапывают: «Привет, люди будущего»?

— Нет. Не закопал. Отправил. Пишет, что построил машину в гараже. Что эта штука должна была появиться четырнадцатого августа две тысячи двадцать шестого года, в девять сорок семь вечера, у него в гараже, на том самом гвозде. Что отправлял её себе. Что если читает не он — значит, что-то пошло не так. И просит записать на флешку всё, что ему нужно знать, и отправить обратно. Пишет, что у неё есть «окно». Семьдесят два часа.

Лана посмотрела на часы над холодильником. Без четверти восемь, пятнадцатое августа. Если верить мальчику, окно закрывалось семнадцатого, в девять сорок семь вечера. Через сорок восемь часов. Она посчитала это раньше, чем успела подумать, что всё это бред.

— Мам, это розыгрыш. Арт-проект. Подросток насмотрелся кино. Тайлер украл её из гаража какого-то парня, ко-

торый в детстве играл в учёного.

— Я знаю. Я так себе и сказала. — Мама положила ладонь на капсулу, будто та могла укатиться. — Только я вижу, когда врут. Это моя работа. Я смотрю человеку в глаза, когда он говорит, что кольцо бабушкино, и знаю, бабушкино оно или нет. Я прочитала письмо три раза. Он не врёт. Может, он был сумасшедший. Может, ему было четырнадцать и одиноко. Но он правда верит, что это прочитают через двадцать лет. И правда боится, что прочитает не он. — Она помолчала. — Ты у нас физик. Там схемы. Посмотри, бред это или нет.

* * *

Флешка была синей, с прозрачным колпачком и с наклейкой «2GB», наполовину стёртой. Пластик у краёв пожелтел, как желтеют старые клавиатуры. Лана держала её на ладони и чувствовала себя так, будто ей дали окаменелость и попросили проверить, живая ли она.

У её ноутбука были только новые порты. Она перерыла ящик стола и нашла переходник, купленный когда-то для старой мышки. Флешка вошла туго, с хрустом.

«Съёмный диск (E:). Файловая система: FAT16».

Папки: «схемы», «расчёты», «ВАЖНО_для_возврата». И в корне файл «ПРОЧИТАЙ_МЕНЯ_ПЕРВЫМ. txt». Дата изменения — 14.08.2006, 21:12.

Дату можно поставить любую. Это ничего не доказывало.

Рядом с капсулой на письменном столе, возле остывшего

чая и фотографии отца в рамке, лежал листок, найденный мамой внутри. Лист из школьной тетради в линейку, сложенный вчетверо. Мама сказала, что он почти не гнулся, когда она его разворачивала, — будто его сложили только что. Тогда Лана не обратила на это внимания, а теперь вспомнила.

Сверху крупно: «ЕСЛИ КОМПЬЮТЕРЫ У ВАС УЖЕ НЕ ЧИТАЮТ ФЛЕШКИ — ВОТ ГЛАВНОЕ». Ниже пункты с рисунками.

«1. Капсула должна стоять на латунном гвозде в полу гаража. Дом 1418, Линден-стрит, Брейтон, Огден. Гвоздь под верстаком. Если не видно — 2 фута 4 дюйма от северной стены и 6 футов 1 дюйм от восточной».

«2. Флешку внутрь. Крышку закрутить до упора. Потом ЕЩЁ три оборота против часовой стрелки. Будет туго идти, это нормально. Это замыкает контур».

«3. Окно — 72 часа с момента прибытия. Прибытие — 14 августа 2026, 21:47 (если я всё посчитал правильно, а я посчитал правильно, я проверял 8 раз)».

«4. После третьего оборота НЕ ОТКРЫВАТЬ. Отойти на два шага».

«5. Если ничего не произошло — значит, окно закрылось или я ошибся. Тогда извините, что потратил ваше время. Флешку можете оставить себе. Она хорошая, „Скайдиск“».

Лана засмеялась вслух. «Она хорошая, „Скайдиск“». Кто бы это ни написал — мальчик в две тысячи шестом или шутник в двадцать шестом, — у него было чувство юмора. Или

его не было совсем, и тогда это было ещё смешнее.

Линден-стрит — это Белмонт, пятнадцать минут на машине. Старый район, где когда-то жили рабочие с заводов, а теперь жил кто придётся.

Она открыла файл.

«Привет, я».

Лана откинулась на спинку стула. За окном темнело. Из кухни было слышно, как мама моет посуду и почти неслышно напевает что-то из старого псалтыря — она всегда напевала, когда нервничала, и делала вид, что не замечает этого.

Лана вдруг поняла, что, если дочитает письмо, что-то в её жизни изменится. Не потому, что письмо волшебное. А потому, что она уже знала, что поверит. Знала так же, как знала, глядя на картинку дифракции, хороший кристалл или нет, — раньше, чем успевала посчитать, и от этого становилось страшно.

Она закрыла глаза и произнесла про себя короткую молитву, которой научил её отец, когда ей было шесть и она боялась темноты: «Господи, Ты уже там, куда я иду». Отец говорил, что это самая честная молитва, потому что в ней ничего не просят, только признают.

Потом открыла глаза и начала читать.

Глава 2. Скороварка

Брейтон. Март — август 2006 года

Кристалл вырос в ночь, когда в дом попала молния.

Точнее, не в дом, а в трансформатор на столбе на углу Линден-стрит и Сайпресс-авеню, но для Альт это было одно и то же. Было четвёртое марта, вторая годовщина смерти отца. Мама взяла на этот день смену специально — «чтобы не сидеть дома и не смотреть на стены». Альт сидел дома и смотрел на стены, а точнее — на автоклав.

Автоклав был скороваркой. Большой алюминиевой скороваркой, в которой мама когда-то, ещё при отце, варила по воскресеньям говяжьи рёбрышки. Альт нашёл её в подвале, попросил мистера Далласа из соседнего дома приварить к крышке стальной фланец, вывел через него термопару и манометр, поставил внутрь стальной стакан и обмотал его нихромовой спиралью от старого обогревателя. Это было неправильно и опасно, и любой учитель химии упал бы в обморок. Учителю химии Альт это не показывал.

Идея была простая: вырастить кристалл кварца гидротермальным способом. На заводах их растят в стальных колоннах под давлением в тысячу атмосфер. У Альт было тридцать две, если не бояться. Но в одной статье из университетской

библиотеки, куда он ходил по субботам, был описан способ «низкого давления» — с затравкой и очень медленным градиентом температуры. Кристаллы так получались мелкие, кривые и мутные. Ему нужен был не кристалл. Ему нужен был резонатор.

Отец был электриком. Хорошим — когда был трезвым. Руки у него, говорила мама, были золотые, а голова всё время где-то не здесь. Он всю жизнь искал другой путь. Другую работу, другой город, другую жизнь — сначала в планах, которые рисовал на салфетках, потом на дне бутылки. Когда родился сын, отец как раз полгода не пил, и он сказал маме: «Назовём его Альт. Пусть у него будет то, чего не было у меня. Альтернативы». Мама согласилась. У нее вырвался нервный смешок. Она закрыла лицо ладонью и спешно ушла в другую комнату.

Через четыре года она попросила его уйти. Он ушёл — в съёмную комнату на другом конце Брейтона, — а его гараж остался. Верстак, инструменты, рации, которые он собирал, когда был в себе, — мама называла это «радиоболезнью». Иногда, по субботам, когда он держался, он приходил. Мама открывала ему гараж и уходила в дом. И маленький Альт сидел рядом на перевёрнутом ведре и смотрел, как отец паяет. Это были единственные часы, когда у него был отец.

В одну такую субботу отец и показал ему кварцевый резонатор — маленькую металлическую коробочку с двумя ножками.

— Это сердце рации, — сказал он, держа её пинцетом. — Внутри кусочек кварца. Подаёшь на него ток — он начинает дрожать. Очень быстро и всегда с одной и той же частотой.

— Почему всегда одинаково?

Отец посмотрел на него тем долгим взглядом, от которого Альт чувствовал себя одновременно маленьким и очень важным.

— Потому что у него внутри порядок, — сказал он. — Атомы стоят ровными рядами, как солдаты на параде. Кристалл помнит свою форму. Он не может дрожать неправильно. Не умеет.

Ему было семь, и он не понял, но запомнил.

В тот же день отец сказал ещё одну вещь, которую Альт запомнил навсегда. Они нашли в старой проводке гаража место, где изоляция почернела.

— Видишь? Искрит, — сказал отец. — Запомни: если знаешь, где проводка искрит, а молчишь, — ты тоже виноват, когда дом сгорит.

Руки у него при этом слегка дрожали. Но тогда Альт ещё не знал почему.

* * *

В ночь на четвёртое марта скороварка стояла на верстаке уже двенадцатый день. Внутри, в растворе кремнезёма и соды, висела на платиновой проволочке затравка — тонкая пластинка кварца, которую Альт аккуратно вынул из того самого отцовского резонатора. Отец потом подарил его сыну

«на память о слове „пьезоэлектричество“», и тот хранил его в жестянке из-под леденцов вместе с другими сокровищами: стреляной гильзой, значком Национального космического агентства и фотографией, где они с отцом стоят перед музеем авиации. Это был единственный раз, когда отец взял его куда-то. Ему было восемь. Отец весь день был трезвым и весёлым, а вечером не пришёл в гараж, хотя обещал.

Без двадцати час началась гроза. Свет мигнул раз, второй. Потом совсем рядом раздался треск, от которого задрожали стёкла, и гараж на долю секунды залило таким белым светом, что Альт увидел собственные кости сквозь веки.

Потом стало темно.

Когда через сорок минут свет дали, он первым делом бросился к скороварке. Термопара и манометр показывали норму. Спираль работала от отдельного аккумулятора, который он собрал как раз на такой случай.

Только через неделю, остудив автоклав и сняв крышку, он увидел, что кристалл вырос не таким, как должен был.

Почти вдвое больше. Мутный, с янтарным оттенком у основания. А внутри, если смотреть под определённым углом, — крошечный завиток. Не трещина, не пузырёк. Что-то похожее на начатую и брошенную букву.

Альт положил его на ладонь. Кристалл был тёплым, хотя не должен был: автоклав остывал двое суток.

* * *

Он потратил три месяца на то, чтобы понять, что держит

в руках. Что это, он понял, а почему — нет.

Сначала проверил пьезоэффект на осциллографе, который отец когда-то купил на распродаже армейского имущества и который весил как маленький холодильник. Кристалл давал нормальный сигнал.

Удивительно было другое. Через неделю тестов Альт заметил, что на экране иногда появляется слабый всплеск, причём раньше, чем он подаёт на кристалл импульс.

Он решил, что это наводка: поменял провода, обернул схему фольгой, перенёс всё в подвал. Всплеск оставался. Тогда он сделал то, что сделал бы отец: перестал думать и начал считать. Подавал импульсы в случайные моменты — бросал монетку, кубик, нажимал на кнопку на нечётных секундах отцовских часов. Записывал всё в тетрадь, сотни строк.

Всплеск всякий раз приходил за две целых девять десятых секунды до импульса.

Кристалл знал, когда его ударят. Раньше, чем его ударяли.

Под утро Альт записал на полях фразу, которую через много лет будет вспоминать с горькой усмешкой: «Он не предсказывает. Он помнит. Как будто для него это уже было».

* * *

Дальше были формулы. Он брал в библиотеке книги, которых не понимал, и читал, пока не начинал понимать хотя бы оглавление. Завёл почту на чужое имя и, представившись аспирантом из соседнего штата, написал на форум любите-

лей физики. Один человек под ником «Квазистатик» полгода переписывался с ним о «пьезоэлектрических аномалиях при наличии дислокационных петель». Альт так и не узнал, кто это был.

К июню в тетради был расчёт.

Не доказательство — слишком много «предположим, что». Но расчёт сходился. Если поверить, что всплеск — не наводка, а эхо, сигнал, проходящий через кристалл в обе стороны по времени. Если поверить, что завиток — петля в решётке, которая связывает два момента. Тогда у этой петли получалась длина.

Слабый ток давал эхо в две целых девять десятых секунды. Холостой ход. Но в структуре кристалла был заложен и второй масштаб. Главный. Альт считал его девять раз, потому что не верил.

Семь тысяч триста пять суток. Ровно двадцать лет, включая високосные.

Кристалл знал только одно расстояние. Не «куда хочешь». Одно-единственное, как струна, которая умеет звучать только одной нотой.

И ещё — масса. Если подать на него весь заряд, который он мог выдержать (а выдержать он мог один раз, после чего структура разрушится), этого хватило бы, чтобы протолкнуть через петлю граммов сорок: монету, ключ или записку.

Флешку.

* * *

Рассказать маме было нельзя. Она работала по две смены, приходила серой от усталости, и, когда Альт однажды попытался объяснить ей про эхо, погладила его по голове: «Ты весь в отца. Он тоже мог часами про свои рации». Это было сказано с нежностью — и с тем, что пряталось под нежностью: она слишком хорошо помнила, чем кончаются мужчины, которые часами говорят о том, как всё будет по-другому. Больше он не пытался.

Учителю физики, мистеру Хатчинсу, — тоже нет. Когда в седьмом классе Альт принёс ему самодельный счётчик Гейгера, Хатчинс сначала похвалил, а потом вызвал маму, потому что «мальчик не должен играть с радиоактивными источниками», хотя источником был кусок старинной посуды с урановой глазурью. Альт усвоил: взрослые хорошо относятся к твоим изобретениям, пока не начинают их бояться.

А этого испугались бы все. Он вырос в двенадцати милях от авиабазы Хэлфорд, где, по легенде, которую знали все дети Брейтона, в ангаре номер восемнадцать хранились обломки летающей тарелки из Сандс-Крика. Он не верил в тарелку. Но верил, что, если в Брейтоне появится что-то, способное отправлять предметы через время, оно очень быстро окажется в каком-нибудь ангаре. Вместе с ним самим.

И тогда, ночью в конце июня, глядя на потолок, где были наклеены звёзды — отец наклеил их, когда Альт было три, в тот последний трезвый год, и это было единственное, что осталось от него в доме; они давно не светились, но Альт

знал, где они, — Альт подумал: а почему бы не рассказать себе?

Если кристалл умеет только двадцать лет вперёд, значит, есть один человек, которому точно можно доверять: он сам, тридцатичетырёхлетний, который через двадцать лет будет стоять в этом гараже.

Он представил его: высокий, как отец, но не такой, как отец. С бородой, может быть. Учёный с лабораторией, у которого уже есть ответы на все вопросы, не дающие спать. И, может быть — Альт боялся об этом думать, но думал, — счастливый.

Можно было бы спросить у него: ну как? Всё будет хорошо?

Через неделю Альт нашёл новый расчёт, и он оказался лучше мечты. Петля работала в обе стороны. Если протолкнуть что-то в будущее, на той стороне петля закрывается не сразу. Она натягивается, как резинка, и держится ещё около семидесяти двух часов. Если за это время кто-нибудь замкнёт контур — повернёт латунную крышку и соединит латунь капсулы с латунью гвоздя, через который шёл разряд, — резинка спружинит обратно и вернёт посылку почти туда, откуда та пришла, секунды через три. Тем самым холостым ходом, эхом.

Можно было не просто отправить письмо. Можно было получить ответ.

— Пап, — сказал Альт вслух в темноту. — Ты бы видел.

* * *

Остаток лета ушёл на подготовку.

Параллельно скороварка работала без перерыва: он пытался вырастить второй кристалл. Пять попыток. Пять прозрачных, правильных, послушных кристаллов без единого завитка. Никакого эха. Гроза в ночь на четвёртое марта больше не повторилась — по крайней мере, не так.

Он собирал конденсаторную батарею, потроша выброшенные телевизоры, которые находил в контейнерах за многоэтажками. Миссис Даллас из соседнего дома однажды видела, как он тащит по улице корпус старого лампового телевизора, ничего не сказала, а вечером принесла тарелку жареных бананов. Она была медсестрой, как мама, работала с ней в одной больнице и, кажется, понимала про Альт больше, чем говорила. Её муж, сварщик, помог с фланцем и тоже ничего не спросил. Фамилию Даллас он взял полвека назад, когда они приехали в Рише: настоящую здесь никто не мог выговорить. Альт был им благодарен так, как бывают благодарны только в четырнадцать лет: молча и навсегда.

Капсулу он сделал из корпуса топливного фильтра от отцовского «Шеридана». После похорон пикап пригнали к их дому от той съёмной комнаты, и мама продала его через год — не могла на него смотреть, — но Альт успел снять с него кое-что на память: зеркало заднего вида с бабушкиными чётками и этот латунный цилиндр, потому что он был красивым.

Флешку он купил в «Вольтмарте» на деньги, которые полгода откладывал, разнося по воскресеньям «Брейтон дейли». Два гигабайта, сорок девять девяносто девять. Продавец с серьгой в брови спросил: «Ты что, всю библиотеку Конгресса туда засунешь?» Альт ответил: «Почти».

Флешка весила одиннадцать граммов, листок — три, капсула — двадцать два, всего тридцать шесть, и этого хватало.

Он записал на флешку сканы тетради, расчёты, схемы, фотографии кристалла с завитком. И отдельную папку — «ВАЖНО_для_возврата», — где по пунктам, с рисунками и с запасом, расписал, как вернуть капсулу. На случай, если он сам забудет. На случай, если с ним что-то случится. На случай — эту мысль он гнал, но она возвращалась, — если в гараже через двадцать лет будет стоять не он.

Он мог представить себя через двадцать лет учёным, бородатым, с собакой — но не мог представить себя никаким. А «никаким» было вполне возможно. Отцу был сорок один год, когда его нашли в съёмной комнате, через два дня после смерти. Отказала печень. Все взрослые знали, что так и будет, кроме Альт: он до последнего думал, что в следующую субботу отец придёт в гараж.

Поэтому Альт написал два письма в одном. Первое начиналось со слов «Привет, я». Второе — с абзаца, который он переписывал семь раз, сидя на полу гаража, пока не рассвело. Абзаца для того, кто откроет капсулу, если это будет не он.

И ещё листок бумаги в капсулу. Этой идеей он гордился больше, чем расчётами. А что, если через двадцать лет флешки станут как дискеты? Что, если на той стороне её не смогут прочитать?

Бумага читается всегда.

Он сложил листок вчетверо, положил в капсулу вместе с флешкой, закрутил крышку и поставил капсулу на начищенный гвоздь.

Было тринадцатое августа. Запуск — завтра, в 21:47. Время он выбрал не сам: в 21:47 четырнадцатого августа, по расчётам, кристалл достигал пика резонанса, который потом за недели сходил на нет.

Время, как и расстояние, выбрал кристалл. Гораздо позже, сидя на железной койке в следственном изоляторе и глядя на стену без всяких звёзд, он подумает, что и всё остальное тоже.

Глава 3. 7305

Брейтон. 15—16 августа 2026 года

ПРОЧИТАЙ_МЕНЯ_ПЕРВЫМ. txt

Привет, я.

Это очень странно писать. Я переписывал начало раз двадцать. Сначала было «Дорогой Альт», но это как письмо от бабушки. Потом «Здравствуй, будущий я», но это как в дурацком фильме. Пусть будет просто «привет».

Сегодня 14 августа 2006 года. Мне 14 лет. Тебе, значит, 34. Если всё сработало, ты должен сам помнить этот день — как я стоял в гараже, нажимал рубильник, и капсула исчезла. Может, ты сейчас смеёшься надо мной. Это нормально. Смейся. Только потом сделай то, о чём я прошу.

Если коротко: у меня получилось. Я вырастил кристалл, который связывает два момента, разделённых ровно 20 годами. Не спрашивай как — то есть спрашивай, но ты и сам знаешь, всё в папке «расчёты». Я не до конца понимаю почему. Я понимаю только сколько. 7305 суток. 36 граммов. 72 часа. Один раз.

Кристалл, скорее всего, сгорит. Второго нет. Это наш единственный разговор.

Я хочу спросить о многом, но места на флешке много, а

смелости мало, поэтому спрошу главное.

Ты в порядке?

Я серьёзно. Мне не нужно, чтобы ты был великим учёным или богатым. Я просто хочу знать, что ты в порядке. Что мама в порядке. Что ты не стал одним из тех взрослых, которые всё время злятся и смотрят телевизор. Ты, наверное, теперь высокий. Как папа. Надеюсь, только высокий. Если у тебя есть жена — передай ей привет. Если есть собака — тоже.

А теперь не главное, но важное.

Пожалуйста, запиши на флешку всё, что мне нужно знать. Не про меня — я не хочу знать, что со мной будет, это, наверное, неправильно. Про мир. Что изобретут. Что мне изучать. Какие будут войны, катастрофы, болезни. Если будет что-то плохое — я хочу знать, чтобы можно было помочь. Папа говорил: если знаешь, где проводка искрит, а молчишь, — ты тоже виноват, когда дом сгорит. Я не хочу молчать.

Места почти два гигабайта. Не экономь.

Положи капсулу на гвоздь до 21:47 семнадцатого августа. Закрути. Три оборота. Отойди. Через три секунды я её получу. Для меня это будут три секунды. Для тебя — всё, что ты успеешь написать за три дня. Это нечестно, но так устроено.

Я тебя жду. То есть — себя. Ну ты понял.

Альт

Под письмом было несколько пустых строк, а потом ещё один абзац. Шрифт тот же, но Лане показалось, что его писали в другое время — то ли позже, то ли с другим лицом.

Если вы не я.

Я не знаю, кто вы и как к вам попала капсула. Может, вы купили дом. Может, со мной что-то случилось. Если со мной что-то случилось — пожалуйста, не пишите мне об этом. Я не хочу знать. Просто сделайте то, о чём я прошу, если можете. Я понимаю, что вы мне ничего не должны и что это звучит как бред. Если не верите — хотя бы положите капсулу обратно на гвоздь, даже пустую. Тогда я буду знать, что кто-то её нашёл.

Если верите — спасибо. Я не знаю, как ещё сказать. Просто спасибо.

А. М.

* * *

Она прочитала оба письма три раза, как мама. Потом открыла папку «расчёты».

Это были сканы тетрадных страниц, исписанных спорящим с самим собой почерком: формулы, графики, таблицы с сотнями строк измерений. Лана ожидала бреда — каждый второй месяц кто-нибудь присылал на кафедру «теорию всего» на сорока страницах капслоком, с пирамидами. Это был не бред. Это было хуже. Очень старательная, неуклюжая, местами откровенно неправильная, но настоящая физика. Мальчик путал обозначения. Мальчик выводил тензор деформации так, как его никто не выводил уже сто лет, — криво, через самодельные приближения. Где-то в середине он неправильно поставил знак и потом три страницы герои-

чески выпутывался из последствий, не замечая ошибки, и в конце случайно — или не случайно — вышел к правильному ответу.

И мальчик описывал дефект. Петлю дислокации внутри кварца — замкнутую, с невозможной топологией, которую он рисовал от руки снова и снова, будто пытался поймать на бумаге то, что видел глазами, — тот самый завиток.

У Ланы похолодели пальцы.

Она знала такие рисунки. Сама рисовала их на первом году аспирантуры, на семинаре Мио про топологические дефекты. «Некоторые конфигурации решётки, если бы существовали, вели бы себя очень, очень странно, — говорил профессор. — Но они не существуют. Природа не настолько щедра. Хотя, может быть, просто не настолько небрежна».

В папке «кристалл» был он сам: мутный, с янтарным основанием, снятый со вспышкой на фоне клетчатой тетради. На одной из фотографий, под углом, внутри был виден завиток.

Это могла быть подделка. Кто-то очень образованный, терпеливый и странный мог потратить месяцы, чтобы написать это за четырнадцатилетнего мальчика, специально наделав ошибок, выбрав FAT16, выставив в файлах шестой год. А потом положить всё в латунную капсулу и ждать, пока Тайлер Брэдшоу украдёт её и продаст Элеаноре Тельман за пятнадцать долларов.

Если это розыгрыш, подумала Лана, то самый бессмыс-

ленный и трудоёмкий в истории.

Было без пяти час ночи. Она набрала в поиске: «Альт Мицураги Брейтон».

* * *

Первая ссылка вела на «Брейтон дейли».

«Житель Брейтона обвиняется в содействии терроризму и финансовых преступлениях: суд назначен на ноябрь».

Март двадцать шестого года.

«Федеральный суд Южного округа Огдена назначил на 9 ноября начало процесса по делу 33-летнего Альт В. Мицураги, жителя района Белмонт, арестованного Национальным бюро расследований в марте 2024 года. Мицураги обвиняется в оказании материальной поддержки террористической деятельности, манипулировании рынком ценных бумаг и несанкционированном доступе к защищённым компьютерным системам. По данным следствия, более десяти лет Мицураги направлял в правоохранительные органы, СМИ и частные компании анонимные сообщения с детальными сведениями о готовящихся терактах, кибератаках и корпоративных событиях, которые впоследствии произошли…

…Сам обвиняемый на предварительных слушаниях утверждал, что получил информацию о будущих событиях с помощью изобретённого им в 2006 году устройства, позволяющего передавать данные через время, однако не смог представить никаких доказательств. Изъятая при обыске установка, по заключению экспертов НБР, «не является

функционирующим механизмом какого-либо известного типа». В освобождении под залог Мицураги было отказано…»

Под статьёй была фотография.

Мужчина в оранжевом комбинезоне, которого два пристава ведут по коридору суда. Высокий и очень худой, небритый — как бывают небриты люди, которым не до этого. Тёмные волосы, остриженные коротко и неровно. Он смотрел не в камеру, а мимо, вбок, и в этом взгляде было что-то, от чего у Ланы сжалось горло.

Взгляд человека, который всё ещё чего-то ждёт.

«Ты, наверное, теперь высокий. Как папа», — вспомнила она строчку из письма.

Ниже были ещё ссылки. Местное телевидение: «„Пророк из Белмонта“: что известно о деле Мицураги». Таблоид: «Человек, который знал о взрывах заранее: безумец или монстр?». Ветка на форуме «Агора», где сотни людей спорили, гений он, агент или жертва. Длинная статья с хронологией: в две тысячи седьмом пятнадцатилетний Мицураги писал в три крупных банка о «скором обвале ипотечного рынка», в тринадцатом звонил в полицию Бэйпорта за два дня до… Дальше Лана читать не стала.

И ещё одна ссылка, старая. Некролог, две тысячи четырнадцатый год. «Маргарет Энн Мицураги, 51 год, медсестра больницы Риверсайд… после продолжительной болезни… У неё остался сын, Альт».

«Что мама в порядке», — писал мальчик.

Лана положила телефон экраном вниз и долго сидела неподвижно, глядя на капсулу.

* * *

Под утро она поняла, хотя и не сразу. Сначала были другие мысли, быстрые и путаные, как стая птиц, вспугнутых с поля. Совпадение. Подделка на волне громкого дела. Тайлер украл капсулу где-то ещё.

Потом она открыла карты. На «Агоре» кто-то выложил фотографию: дом с серой обшивкой, заросший газон, гараж сбоку, полуоборванная полицейская лента. Подпись: «Дом Пророка, Линден, 1418. Пустой с весны 24-го».

Мальчик отправил капсулу себе. В гараж. На двадцать лет вперёд. А через двадцать лет, позавчера, гараж стоял пустой, потому что сам Альт Мицураги сидел в следственном изоляторе в получасе езды отсюда. Арестованный за то, что знал будущее.

Лана медленно выпрямилась: откуда он знал?

«Пожалуйста, запиши на флешку всё, что мне нужно знать. Какие будут войны, катастрофы, болезни».

Он знал будущее, потому что кто-то ему его рассказал.

Кто-то положил капсулу обратно на гвоздь. Кто-то записал на флешку всё про теракты, кризисы и кибератаки, о которых он потом пытался предупредить — и, судя по слову «впоследствии», не смог. Для него это случилось двадцать лет назад, через три секунды после рубильника.

А для этого кого-то ещё не случилось. Это случится зав-

тра вечером, до 21:47.

Лана посмотрела на свои руки на столе. Немного обветренные от лабораторных перчаток, с обгрызенным ногтем на указательном пальце, который она всё обещала перестать грызть.

Она ясно увидела, как эти руки будут печатать даты, списки, названия городов и закручивать латунную крышку на три оборота. И как через двадцать лет, которые пройдут за три секунды, худого мужчину в оранжевом комбинезоне поведут по коридору суда, а он будет смотреть мимо камеры и всё ещё чего-то ждать.

Её. Он будет ждать её.

Нет — себя. Он отправлял капсулу себе, а ответит ему она. И всё, что она напишет, чтобы он мог «помочь», станет тем, за что его посадят.

— Нет, — сказала она вслух. — Нет. Нет.

Можно было не отвечать. Положить капсулу в ящик и забыть. Или вернуть пустой — он ведь сам просил. Тогда он ничего не узнает, не будет предупреждать, не будет арестован. Вырастет, станет учёным с бородой и с собакой.

Она почти успела в это поверить.

Потом перевернула телефон. На экране была всё та же статья, фотография и строчка: «Мицураги содержится в следственном изоляторе».

Это уже случилось — в марте двадцать четвёртого, задолго до того, как она что-нибудь напишет, и он уже два с поло-

виной года сидит. В две тысячи седьмом пятнадцатилетний мальчик уже отправил письма в банки, и, чтобы их отправить, кто-то уже должен был рассказать ему про восьмой год.

Она не могла это отменить. Можно было только сделать. Или не сделать — и тогда мир, в котором она жила, в котором была эта статья и этот некролог, оказался бы неправдой. А он был правдой. Он был за окном: фонари, влажный асфальт, первая машина, светлеющее небо над Третьей улицей.

Лана подошла к окну и прижалась лбом к стеклу.

— Папа, — сказала она шёпотом. — Что мне делать?

Отец не утешал словами «всё будет хорошо». Он открывал Библию — старую, с загнутыми уголками, где подчёркнутого карандашом было больше, чем неподчёркнутого, — всегда на одном месте.

«Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его».

— Это не значит, что ты ничего не решаешь, — говорил отец. — Ты решаешь. Каждый день. Это значит, что ты решаешь не одна. И что дорога уже есть, даже если ты её ещё не видишь.

На подоконнике за стеклом сидел воробей и смотрел на неё одним глазом, потом улетел.

Лана вернулась к столу и открыла новый документ. Было 5:42, шестнадцатое августа. До закрытия окна оставалось сорок часов.

Она напечатала: «Привет, Альт».

Стёрла.
Напечатала снова.

Глава 4. Л.

Брейтон. 16—17 августа 2026 года

Мама нашла её в восемь утра спящей за столом, щекой на клавиатуре. На экране был документ: «Привет, Альт» — и дальше шестьсот сорок строк буквы «ж».

— Ты вообще ложилась?

— Мам, — сказала Лана. — Сядь.

Мама села на край кровати. Лана показала ей статью, фотографию, некролог Маргарет Мицураги и снимок дома с оборванной лентой. Мама смотрела молча, и лицо у неё менялось постепенно, как небо перед грозой: сначала становилось тише.

— Это он, — сказала она наконец.

— Это он.

— Тайлер украл капсулу из его гаража. А этот человек сидит. За то, что знал.

— Да.

Мама долго молчала. Потом сказала совсем не то, чего Лана ждала:

— Господи, какой он худой.

И Лана, которая не плакала всю ночь, вдруг заплакала — сразу, некрасиво, как в детстве. Мама обняла её, и они долго

сидели так, и за окном проехал мусоровоз, и где-то залаяла собака, и всё было так обыкновенно, что от этого становилось ещё страшнее.

* * *

Потом, на кухне, над двумя кружками кофе, Лана объяснила ей про петлю и окно, про то, что любое её слово он получит в шестом году — судя по статьям, уже получил, — и что ответила ему она.

Мама слушала, не перебивая, так, как слушала людей, принёсших вещь, про которую нужно решить, сколько она стоит.

— Значит, если ты ничего не напишешь, его не посадят.

— Я тоже так подумала.

— Но его уже посадили.

— Да.

— Значит, ты напишешь.

— Мам, я не знаю. Если я напишу, я как будто сама его туда отправлю. Своими руками.

— А если не напишешь — ты проснёшься завтра, а статьи нет? А он живёт себе с женой и собакой?

— Никто этого не знает. — Лана потёрла глаза. — Есть две теории. Одна говорит, что прошлое можно изменить, и тогда появляется другой мир, ветка. Тогда, если я не напишу, будет мир, где его не посадили. Но я в нём жить не буду. Я останусь здесь, и здесь он всё равно сидит. Другая говорит, что изменить нельзя ничего. Что прошлое уже включает в

себя то, что я сделаю. И если я попытаюсь его изменить, у меня просто не получится. Я опоздаю, или капсула не сработает, или я сломаю ногу по дороге.

— И какая правильная?

— Не знаю.

Мама посмотрела на подоконник, где стояли три горшка с геранью. Их когда-то посадил отец, и мама пятнадцать лет поливала их каждое утро. Ни одна не засохла.

— Твой отец сказал бы, что вторая, — сказала она. — Что у Бога одна история, и она уже вся написана, и мы в ней не читатели, а буквы. — Она слабо улыбнулась. — Он, правда, говорил это обычно, когда проигрывали «Тигры».

Лана улыбнулась сквозь слёзы.

— Я в этом не разбираюсь, — продолжала мама. — Я в ломбарде работаю. Но я тридцать лет смотрю, как люди приносят вещи. Никто не приносит вещь просто так. Если вещь пришла к тебе — значит, пришла. Можно её не брать. Но она всё равно уже пришла. К тебе, а не к кому-то другому. Почему-то.

Она положила Лане руку на плечо.

— Этот мальчик просил о помощи. Двадцать лет назад, в гараже, совсем один. Ты можешь помочь. Не знаю, к чему это приведёт. Но если можешь и не помогаешь — ты знаешь, что говорил твой отец про искрящую проводку.

Лана подняла голову.

— Мам. Альт пишет то же самое. Слово в слово. «Папа

говорил: если знаешь, где проводка искрит…»

Мама замерла, потом медленно села.

— Все отцы, наверное, одинаковые, — сказала она тихо. — Все отцы в мире, которые чинят проводку.

* * *

К полудню Лана решила. Решение пришло как усталость. Как понимание, что ты уже несколько часов несёшь тяжёлую сумку и поставить её некуда, а значит, надо идти. Страх никуда не делся, но с тем, что уже было правдой, она смирилась.

Она позвонила Прие и сказала, что заболела. Прия знала её четыре года и ни разу не слышала, чтобы Лана болела. Она ничего не спросила, только сказала: «Позвони, если что».

Потом Лана открыла чистый документ в облаке — она всегда писала в облаке, с тех пор как в бакалавриате у неё дважды сгорал ноутбук вместе с курсовыми, — и начала составлять список.

Первый раздел — «Мир». По годам, с шестого по двадцать шестой. Выборы. Финансовый кризис: восьмой год, «Ланг бразерс», пятнадцатое сентября, ипотечные облигации, банкротства. Землетрясения — Сен-Мари, цунами и станция Хамасаки. Пандемия: двадцатый год, вирус Хуачэн. Всё, что она помнила: как закрыли школы, как она, двадцатилетняя, слушала онлайн-лекции в своей комнате, как у больницы Риверсайд, где когда-то работала Маргарет Мицураги, ставили рефрижераторы для тел. Войны — сухо, по

датам, как в учебнике, потому что, если писать не сухо, начинали дрожать руки.

Второй раздел — «Наука и технологии». Тут она замешкалась: про физику твёрдого тела она могла написать много, но мальчик просил «что изобретут», и она знала что. Это было вокруг неё каждый день — в лаборатории, в телефоне, в историях про Майклов с завода «Ямасато».

Она открыла на втором мониторе окно ассистента и некоторое время смотрела на курсор. Ирония была настолько очевидной, что даже не смешной: чтобы рассказать мальчику из шестого года, как появится искусственный интеллект, проще всего было спросить у самого искусственного интеллекта.

Она спросила, и ассистент вежливо, подробно, со ссылками рассказал ей историю самого себя. Видеокарты «Ксенон», на которых, как оказалось, можно было считать. Глубокое обучение и статья «Всё дело во внимании» — семнадцатый год, восемь авторов из «Сёрчлайта», архитектура трансформера. Потом большие языковые модели, законы масштабирования и обучение на отзывах людей — всё, из чего выросло то, что теперь писало отчёты лучше Прии.

Лана копировала, проверяла, дописывала от себя. Вставила полностью ту самую статью — всего пятнадцать страниц. И простую реализацию трансформера на несколько сотен строк. Мальчик, который в четырнадцать выводил тензор деформации через самодельные приближения, разберёт-

ся.

Третий раздел она долго не могла назвать и в конце концов написала одно слово: «Плохое».

Крупные теракты с шестого года. Даты, места, время, если было известно. Число погибших она сначала писала, потом стёрла, потом написала снова: ему нужно знать, иначе он может решить, что что-то менее важно, чем другое. Она печатала и не позволяла себе читать то, что печатает. Карапур. Норхавн и остров Хальсё. Бэйпорт, марафон. Лютеция. Порт-Ницерра. Брабант. Манкастер. Кристбери. Список вышел длиннее, чем она думала, — такие списки всегда длиннее.

На середине она вышла на веранду и долго стояла, держась за перила, глядя на качели, на которых никто не качался.

«…о готовящихся терактах, которые впоследствии произошли».

Все.

Она вернулась и дописала до конца.

* * *

Последний раздел появился вечером, когда мама вернулась и они ели остывшую пиццу прямо из коробки, сидя на полу среди распечаток.

— А что-нибудь хорошее? — спросила мама. — Нельзя мальчику четырнадцати лет одни катастрофы. Спорт хотя бы. Мальчишки любят спорт.

— Он, кажется, больше любит паяльник.

— Твой отец тоже любил паяльник, а за «Тигров» болел так, что соседи полицию вызывали.

Лана засмеялась. И подумала о другом: мальчику нужно будет как-то проверить, что ей можно верить. Не через два года, когда случится кризис, а раньше. Ему нужно что-то, во что невозможно поверить. И что потом случится.

Раздел она назвала «Чтобы ты поверил».

Чемпионаты мира, финалы, счета. Все двадцать Финальных чаш, включая прошлогоднюю, где «Орлы» разгромили «Вождей» сорок — двадцать два. «Медвежата» из Лейк-Сити, которые выиграют впервые за сто восемь лет. И отдельной строкой, жирным, — то, что в своё время казалось невозможным даже тем, кто видел это своими глазами:

«8 июля 2014 года. Чемпионат мира, Пиндорама. Полуфинал. Пиндорама — Тевтония, 1:7. Да, семь. Да, дома, у пятикратных чемпионов. Нет, я не ошиблась».

Ниже — то, во что она сама с трудом поверила полтора года назад:

«Май 2025. После смерти папы Амвросия конклав выбрал первого в истории понтифика из Рише. Кардинал из Лейк-Сити, принял имя Климент XV. (Я пресвитерианка, но даже я сидела перед телевизором с открытым ртом)».

И в самом низу — шутка. Она долго думала, стоит ли. Мама права: нельзя одни катастрофы.

«P. S. Если у тебя когда-нибудь будут лишние деньги, ку-

пи битмарк (это появится в 2009-м, просто запомни слово), акции „Орчарда“ и „Ксенона“. Не спрашивай. Просто купи. И не продавай. Это не финансовый совет, я физик :)»

* * *

Личное письмо она писала последним, ближе к полуночи, одна. Переписывала семь раз — так же, она потом узнает, как он переписывал свой абзац для того, кто откроет капсулу.

Самое трудное было — что не писать.

Она не написала про арест. «Если со мной что-то случилось — пожалуйста, не пишите мне». Ей хотелось написать: «В марте двадцать четвёртого не открывай дверь». «Не звони в полицию Бэйпорта». Что угодно, что могло бы…

Могло бы — что? Если всё уже случилось, её письмо уже прочитано. И раз его всё-таки арестовали, в нём не было ничего, что могло бы помешать. Или было — но не помогло.

Про маму она тоже не написала, и это было ещё труднее. Маргарет Энн Мицураги, пятьдесят один год. «Что мама в порядке». Лана написала только: «Обними маму, когда она вернётся со смены».

Привет, Альт.

Я не ты. Прости. Я знаю, что ты ждал себя, а получил меня. Капсула попала ко мне случайно — то есть не совсем случайно, но долго объяснять. Тебя в гараже не было. Ты просил не рассказывать, что с тобой, и я не расскажу. Скажу только одно: ты жив. Остальное — твоё.

Меня ты не знаешь. Я аспирантка, физик, занимаюсь кри-

сталлами (смешно, да?). Я прочитала твои расчёты. Они местами ужасные. Ты перепутал знак на странице 14 и потом три страницы мучился. Но они настоящие. И ответ правильный. Мой научный руководитель говорит, что вся современная физика держится на ошибках, которые научились совершать нарочно. Ты совершил одну, которую нельзя повторить. Такое бывает раз в жизни.

Я сделала, что ты просил. Всё, что знаю, — на флешке, по папкам. Там много плохого. Я долго думала, писать ли. Ты сказал, что не хочешь молчать, если знаешь, где искрит. Мой папа говорил то же самое. Наверное, все отцы так говорят.

Но я хочу сказать одну вещь не из учебника.

Ты не сможешь спасти всех. Может быть, вообще никого не сможешь. Я не знаю, как устроено время. Но знаю, что ты будешь пытаться, потому что ты из тех, кто пытается. И когда не будет получаться, помни: это не потому, что ты плохо старался. И не потому, что ты плохой. Есть вещи, которые не в наших руках. Даже если они у нас в руках.

Звучит как из воскресной школы. Я и правда преподаю в воскресной школе. Детям. Ладно, неважно.

Папа научил меня одной молитве. Короткой. Он говорил, что это самая честная молитва, потому что в ней ничего не просят. Пишу её не потому, что ты должен верить, а потому, что однажды тебе может понадобиться, за что держаться.

«Господи, Ты уже там, куда я иду».

Вот. Всё.

Обними маму, когда она вернётся со смены.

Подписываться полным именем не буду. Это как-то слишком. Подпишусь как один детектив из аниме, которое у вас вот-вот выйдет, — «Чёрная тетрадь». Посмотришь — поймёшь. Тебе понравится. Там тоже парень, который думает, что может изменить мир.

Л.

Она прочитала письмо вслух шёпотом, сидя на полу. Сохранила. Скопировала все файлы на синюю флешку — гигабайт и семьсот восемьдесят мегабайт. Почти всё место. Он просил не экономить.

Было 2:14 ночи, семнадцатое августа.

Последнее, что она сделала, — взяла из принтера чистый лист и от руки написала на нём молитву и букву «Л.». Сложила вчетверо и положила в капсулу рядом с его листком.

Бумага читается всегда. Это она тоже прочитала у него.

Глава 5. Гвоздь

Брейтон, Линден-стрит. 17 августа 2026 года

Весь день семнадцатого августа шёл дождь. Мелкий, тёплый, настойчивый — из тех, что не намочат сразу, но к вечеру ты обнаруживаешь, что мокрая насквозь, и не помнишь, когда это случилось.

Лана проверила флешку три раза. Проверила копии в облаке. Вынула из капсулы оба листка, развернула, прочитала, сложила, положила обратно. Снова проверила флешку.

— Ты как перед защитой, — сказала мама.

— Хуже.

— Хочешь, поеду с тобой?

— Нет, — ответила Лана, подумав. — Не знаю почему. Но нет.

Мама кивнула, будто именно этого и ждала.

— Тогда возьми фонарик. И перцовый баллончик. И позвони, как только… ну. Как только.

* * *

Белмонт в половине девятого вечера был пуст и мокр. Фонари горели через один. На углу Линден и Сайпресс стоял облупленный трансформатор на столбе с табличкой «Опасно — высокое напряжение», и Лана, проезжая мимо, почему-то посмотрела на него, будто он мог что-то сказать.

Дом 1418 был таким же, как на фотографии, только хуже.

Трава по колено, в траве банки и размокшие рекламные листовки. Полицейская лента висела одним лохмотом на перилах веранды, жёлтая, как старый бинт. Замок входной двери был выломан, на косяке белели свежие следы фомки.

Это Тайлер, позавчера ночью, подумала она.

Боковая дверь гаража висела на одной петле. Лана постояла перед ней минуту с фонариком в одной руке и сумкой в другой. Дождь стучал по капюшону.

Это проникновение, подумала она. Аспирантка физического факультета, двадцать семь лет, задержана ночью в доме обвиняемого в терроризме. Мама будет в восторге. С этой мыслью она и толкнула дверь.

* * *

Внутри пахло сыростью, машинным маслом и тем особенным запахом мест, где долго никто не живёт: пылью, мышами и остановившимся временем.

Луч фонарика выхватывал куски: голые стены, крюки со светлыми пятнами там, где висели инструменты, пустые полки, мотки провода на полу и выцветшую картонную табличку «В. МИЦУРАГИ — ЭЛЕКТРИКА — ЛИЦЕНЗИЯ ОГДЕНА».

У дальней стены стоял тяжёлый дубовый верстак с тисками на углу. Его не вынесли — кому он нужен.

Под верстаком был серый бетон в масляных пятнах. Гвоздя не было видно.

Лана достала из сумки мамину рулетку из ломбарда — ма-

ма сунула её в последний момент со словами «а вдруг». Северная стена — по компасу в телефоне та, у которой верстак. Два фута четыре дюйма. Восточная — справа. Шесть футов один дюйм. Она опустилась на колени прямо на мокрый бетон и отодвинула ладонью слой пыли, тонкий, как пепел.

Гвоздь был там — латунная шляпка, потемневшая, почти слившаяся с бетоном. Лана потёрла её пальцем, и под пальцем проступил тусклый тёплый блеск, такой же, как на капсуле.

Она стояла на коленях на полу пустого гаража и смотрела на гвоздь, который четырнадцатилетний мальчик вбил двадцать лет назад, и чувствовала, как внутри что-то медленно и окончательно встаёт на место. Как кристалл, который наконец понял свою форму.

Это правда, подумала она, всё это правда.

21:28.

* * *

Капсула лежала на ладони, прохладная, тяжелее, чем казалась. Лана открутила крышку и в последний раз заглянула внутрь. Синяя флешка. Два листка: его — старый, протёртый на сгибах, её — белый, ещё пахнущий принтером.

Она закрутила крышку до упора и поставила капсулу на шляпку гвоздя. Капсула встала криво: гвоздь был выпуклым. Лана поправила, но капсула не стояла. Поправила ещё раз — руки дрожали.

— Ну пожалуйста, — шепнула она.

Капсула встала.

Лана взялась за крышку и повернула. Не шла. Сильнее. Не шла. Она подумала: резьба, окись, двадцать лет, конечно, она приржавела…

И тут поняла, что крутит по часовой стрелке.

Она засмеялась — коротко, нервно, в пустом гараже это прозвучало как всхлип, — и повернула в другую сторону.

Крышка пошла туго, но это нормально.

Один оборот.

На улице проехала машина, свет фар скользнул по щели под гаражной дверью.

Два.

Что, если ничего не произойдёт? Если окно уже закрылось, если он ошибся в минутах, в часовом поясе, в високосных годах? Если Тайлер что-то сломал? Если всё — арест, статьи, фотография — было про какой-то другой мир, а она стоит ночью на коленях в чужом гараже и крутит старую деталь от пикапа?

Три.

Она убрала руки и отползла на два шага назад: не трогать.

Капсула стояла на гвозде. Секунду. Две. Дождь стучал по крыше ровно, как метроном. Пять секунд. Десять.

Ничего.

Ей вдруг стало бесконечно стыдно. Двадцать семь лет, аспирантка — и стоит на коленях перед старой железкой, в которую вложила два дня жизни, все свои страхи, отцовскую

молитву и список терактов за двадцать лет. А железка стоит. Потому что железки не путешествуют во времени. Потому что Тайлер украл её из гаража какого-то несчастного сумасшедшего, а мама…

Воздух сделал вдох.

Другого слова она потом подобрать не смогла. Не звук. Не свет. Ощущение, что пустой гараж на долю секунды стал больше внутри, чем снаружи. Что пространство вокруг гвоздя натянулось, как кожа на барабане, и тут же отпустило.

Капсулы не было.

Пустая шляпка тускло блестела в луче фонаря.

Лана не двигалась и не дышала. Где-то очень далеко, на другом конце двадцати лет, в этом же гараже, худой мальчик в растянутой футболке смотрел, как секундная стрелка на отцовских часах делает рывок. Раз. Два. Три.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.